

Высокая нота времени

Коллектив авторов

Высокая нота времени

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Высокая нота времени / Коллектив авторов — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908165-88-4

Время разное. А человеческий выбор всегда один: сказать или промолчать. Сборник «Высокая нота времени» — о тех, кто не промолчал. Здесь нет проходных строк. Есть память, которая не устарела. Есть откровенность, от которой внутри сжимается. Стихи и рассказы, представленные в книге, объединяет не имя Высоцкого, а его принцип: говорить, даже если слова неудобны. Читателю, который вырос на его песнях, здесь будет что вспомнить. Тому, кто открывает его впервые, есть что понять. Книга без фальши. Просто голоса, которые решили не молчать. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-88-4

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

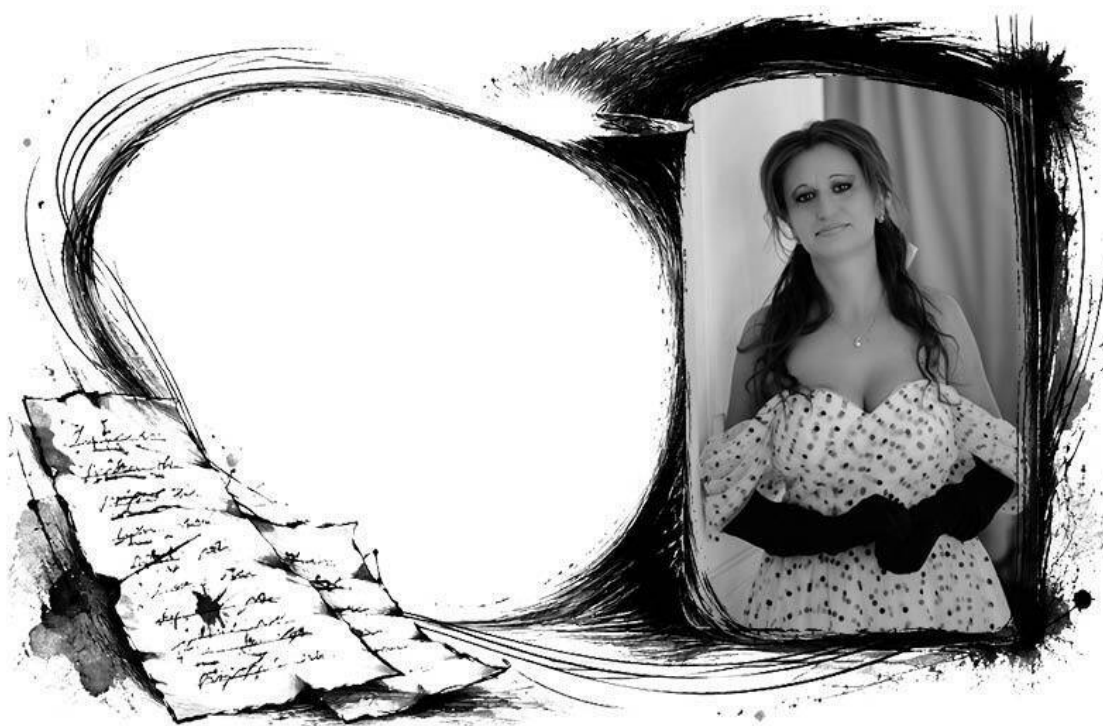
Анна Бирюкова	6
Мой ангел	7
Балаган	9
Волки и бесы	10
Сибирские лагеря	11
Не молитесь о моей душе	12
Татьяна Гурьянова	13
Страх	14
Мир не так уж плох	15
Что, если жить как есть?	17
Тебе ведь совсем ничего не стоит... (обращение к мужчинам)	18
Виктор Дроздов	19
Его нет сорок два	20
Спойте сами теперь...	22
Владимиру Семёновичу	25
В. С. Высоцкому	26
Года мои, года...	27
Где вы, когда-то признанные?	29
Параллельный мир	30
Юрий Иванов	31
«Все великие стены ведут из Китая...»	32
12	33
Варяжские пляски	38
«Падший ангел – поднявшийся вздыбленно дьявол...»	39
В Египте	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коллектив авторов Высокая нота времени

© Издательство «Четыре», 2026

Анна Бирюкова

Родилась в Самаре. Стихи пишет не так давно, но уже является автором двух книг и тридцати коллективных сборников, выпущенных разными издательствами. Её произведения разнообразны и предназначены для разной аудитории. В них раскрываются темы любви, войны, одиночества, покаяния и судеб тех, кто переступил черту закона.

На данный момент создан телеграм-канал «Жизнь в строках», где автор с помощью ИИ перекладывает стихи на музыку. Среди них есть романсы, детские песни и композиции в стиле «шансон».

Для Анны стихи – это маленькое послание миру, открывающееся через чувства, эмоции и настроение. Поэтесса пишет произведения, в которых есть светлая надежда, прощение, печаль и любовь. Также Анна пишет для детей. Её стихи для юных читателей наполнены добром, светом, душевностью и любовью.

Мой ангел

Ты посиди со мной, прошу, но только молча.

Не осуждай и не учи, как жить.

Я пред вратами, там за всё отвечу,
и все грехи свои я вымолю там сам.

Мой ангел, не учи, как нужно,
никто не знает, как нам надо жить.

Я оступался, но и испил я много,
я выпил много боли, как вина.

Не осуждай, никто не знает правды,
и правды ли, когда живу не так.

С годами всё мне кажется началом,
а раньше жил я просто без начал.

Молчи, прошу, за всё я сам отвечу,
и на суде всё-всё я расскажу.

Ну а пока лишь посиди со мною
и не позволь сгубить всех тех, кого ещё люблю.

Балаган

Разбиты вдребезги дороги,
дожди размыли их давно.
Мой балаган скрипит чуть слышно,
он катит вдаль, бежит вперёд.
Вокруг меня одни актёры,
театр дом теперь родной.
А мне так хочется покоя,
покоя без арлекинов и Пьеро.

Мне чужды маски, что скрывают лица,
что не дают взглянуть в глаза
И прочитать в них о покое, о том,
что только в них могу я отыскать.
Вся жизнь моя как балаган дорожный:
обман, дороги да новая печаль.
А я смотрю и так хочу другого, хочу я так,
чтоб маски канули все вспять.

Я не хочу смотреть на ложь и лицемерие,
смотреть на то, как друг предаст тайком,
А после маску наденет подбробнее и скажет,
что пустяк – всё ж хорошо.
И так я мчусь, живу в своём театре, смотрю на чувства,
что мёртвые давно.
Как людям нравится менять на лицах маски
и зло творить, когда на ней добро.

Что жизнь моя, другого в этом мире,
а жизни наши – один лишь балаган.
Он мчит вперёд дорогой, что разбита,
и в нём внутри игра, игра, игра.
А в нём внутри, за маской, что скрывает,
никто не видит настоящего лица.

Волки и бесы

Бегут тучи над дорогой, мгла накрыла тишину.
Я иду вперёд, не глядя, всё равно, куда иду.
Воют волки в тьме крошечной, знать, по мне они поют.
Обступают, кружат, кружат – здесь ли я закончу путь?

Грешна жизнь моя, в ней темень, и душа моя пуста.
Эликсир давно испил я, а испив, разбил бокал.
Кто такой я в этой жизни? Кто я? Дайте же ответ.
За что бес меня здесь водит, водит там, где волчий след?

Кружит, выюжит и куражит, преграждает светлый путь.
Знать, ему я очень нужен, знать, я стал, как бесов ад.
Вот поднялся ветер злобный, закружил он всё вокруг.
В темноте танцуют бесы, волки воют – что поют.

Я стою, и мне не страшно, видно, стал одним из них.
Как и бесы, я куражусь, в кураже нет добрых сил.
Опустилась мгла на землю, тут и там горят костры.
Как они, стою беснуюсь, злобой лютою горю.

Посылаю я проклятия, хорошо мне одному.
Темнотой себя заполнил, я ей жил и так живу.
Но рассвет внезапно грянул и собой развеял тьму.
Испарились бесы с ветром, волки скрылись в пустоту.

Пал без сил я на колени. Боже, сколько же грехов!
Как я жил в таком тумане? Почему я жив ещё?
И услышал в свете ярком я ответ на свой вопрос:
Всё тебе исправить нужно, вот на это жизни срок.

Светит солнце надо мною, согревая тишину.
Я иду дорогой светлой, знаю я, куда иду.
Отворились двери храма, монастырь его впустил,
Где в молитвах дни и ночи он отмаливал грехи.

И вот в келье со свечами вечным сном заснул монах,
Где в небесном свете божьем он допущен к небесам.

Сибирские лагеря

В страхе люди вперёд шли толпою,
ноги скованы их в кандалы,
И истошно кричали птицы
над воротами старой тюрьмы.
За стенами её только стоны,
слёзы горькие в тёмной ночи,
Безысходность и горечь дороги.
Здесь Сибирь, конец пути.

Вёз их поезд в решётку окна,
и сквозь них мир полоскою стал.
Мчался вдаль он, везя заключённых
в неизведанный, пугающий край.
Здесь ветра и морозы лютуют,
промерзают бараки внутри.
Люди гибнут, никто не считает,
только видно с дороги кресты.

Мчатся годы, летят быстротечно,
гаснет в людях в глазах синева,
И печаль никогда не проходит.
Здесь смирились, что это судьба.
Мчится поезд, а время другое,
лагерей там уже не сыскать,
На оконцах нет больше полосок.
Мир красив, только в памяти ад.

Не кричат с болью больше там птицы,
и не слышен там лязг кандалов.
Только ночью не всем мирно спится,
они помнят Сибирь и мороз
И листают альбом, где есть фото с краткой подписью:
«Лагерь. Живой. Я живой»

Не молитесь о моей душе

Не молитесь о моей душе,
о душе опустошённой, нищей,
О тоске, что в ней живёт внутри,
и о боли, что кричу, но вам не слышно.
Не стою с протянутой рукой,
не прошу у вас я покаяния.
Сама душу вылечу, спасу,
сама выберусь из густоты тумана.

Сколько она, бедная, ждала,
сколько вынесла – не описать словами.
Но не стала чёрствой всё равно,
не кляла вослед, когда страдала.

Не смотрите вы в мои глаза,
слёзы высохли, они совсем сухие.
Я привыкла всё решать сама,
душу развернув поближе к свету.

Не молитесь, я прошу, не надо, что молитвы, когда вы пусты?
Я сама всё отмолю с годами и за ваши души тоже попрошу.

Татьяна Гурьянова

Татьяна – автор, умеющий слышать тишину и превращать её в слова.

Член Российского союза писателей.

Хобби: дыхательные практики, которыми она делится в своём пространстве со всеми желающими.

Родилась в деревне Согра Архангельской области, с 1987 года живёт в Первомайске Нижегородской области. Юридический стаж длиной в 26 лет научил её видеть суть и точно формулировать, что чувствуется в каждой написанной ею строке.

Её произведения – лирические и исповедальные работы: «Загляни в мою душу», «То, о чём молчу», «О жизни, чувствах и друзьях», автобиографически-поэтический сборник «Моя правда, или Путь к себе», мистико-историческая «История, забытая временем», «Дыхание рифмы» и сборник сказок для детей «Фонарики в темноте».

Работы автора отмечены профессиональными наградами издательства «Четыре».

Страх

От рождения до внезапного ухода
Ночь немая или ясный день,
Не влияет на него погода —
В твоём теле он живая тень.

Он зачем-то слился с твоей кровью
И тобой владеет, словно бог.
Управляет радостью и болью
И бывает чересчур жесток.

Участился пульс, сердцебиение,
Пот холодный, тремор по рукам —
Это, может быть, воображение?
Но реальность давит по вискам.

Он живёт в тебе, не зная края,
Проникает глубже с каждым днём.
Ты кричишь: «Уйди, я не желаю!» —
А он шепчет: «Мы с тобой вдвоём».

Ты пытаешься сорвать оковы,
Вытолкнуть его за край души,
Но он знает все твои основы
И секреты, что таил в тиши.

От рожденья до внезапного ухода
За тобою он идёт след в след.
Это не борьба и не свобода —
Просто тень, что гасит яркий свет.

Мир не так уж плох

Трогаю твою руку,
Вдыхаю родной аромат.
Прогоняю жуткую скуку,
И не важно, кто виноват.

Кто зачинщик нелепой ссоры?
Разве это играет роль?
Ты – источник моей опоры,
А не тот, кто приносит боль.

Я не жертва, ты не спасатель,
Не нужна нам война и месть.
Ты как зеркало, мой отражатель.
Лучше правда, чем ложь и лесть.

Поступай не из чувства «должен»,
Из желания и любви.
Если станет однажды сложно,
Не отчаивайся – Свети.

Нет обиды и нет смятения,
Только жизни счастливый путь.
Мы проходим без сожаления,
И не хочется повернуть.

Так ли много для счастья нужно —
Просто чувствовать выдох-вдох.
Нам легко и совсем не душно,
Значит, мир наш не так уж плох.

Что, если жить как есть?

Она продолжала верить в чудо.
День за днём надеялась и ждала.
Даже когда совсем становилось худо,
Не сомневалась, что рассеется жизни мгла.

Иногда становилось невыносимо,
И разочарование заполняло сердечный центр.
Она смотрела на тех, кто болен неизлечимо, —
Им диагнозы ставил какой-то известный доцент.

Её ситуация намного легче, конечно.
На первый взгляд она вообще ни о чём.
О жизни её было мало кому неизвестно,
Она просто играла роли ночью, утром и днём.

Каждый из них ждал светлого дня, как чуда.
Одни продолжали верить в медицину и докторов,
Другие – что кто-то вдруг придёт ниоткуда,
Она тоже мечтала, чтоб каждый больной был здоров.

Магия, волшебство согревали страждущим душу.
Так хотелось проснуться утром, открыть глаза,
Улыбнуться живому миру, снять с себя ношу
И, как страшный сон, забыть, что вчера бушевала гроза.

Дни текли, по крупинкам с собой забирая веру.
Стоит ли чуда ждать? Может, уже ни к чему?
А что, если жить как есть, в полную меру,
Отпустив злые мысли, что были виной всему?

Тебе ведь совсем ничего не стоит... (обращение к мужчинам)

А женщине нужно простое объятие.
Она ведь в душе всё та же девчонка,
Что носит воздушное, лёгкое платье,
Волосы в косичках, смешная чёлка.

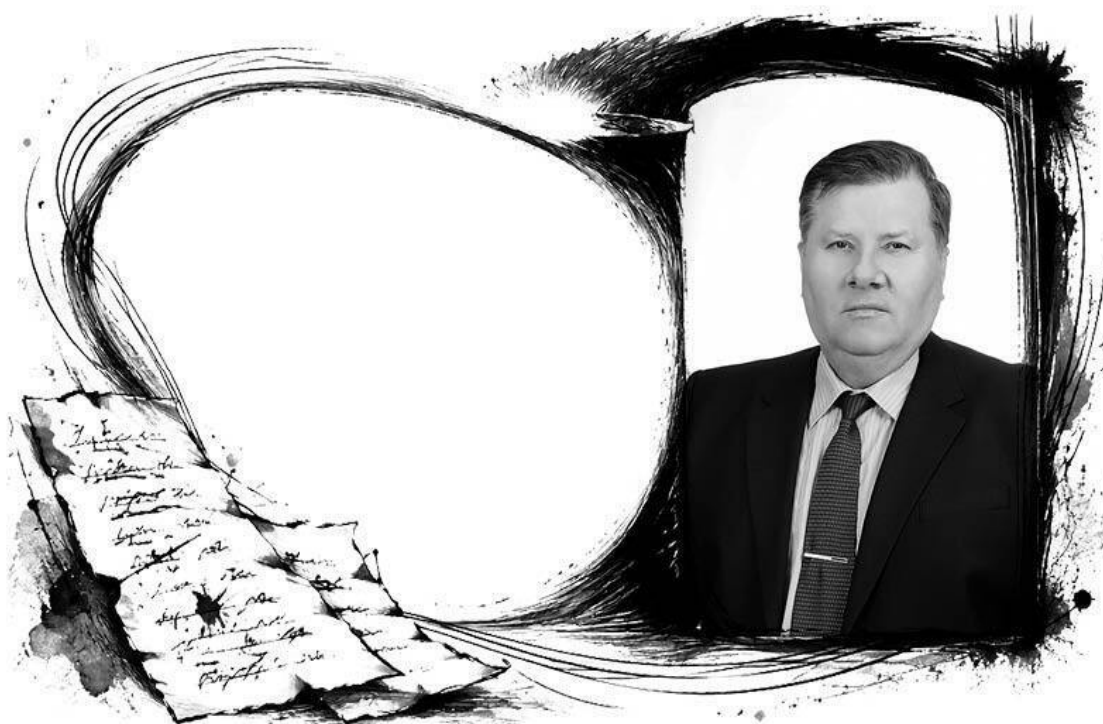
Ты можешь не видеть её усталость,
Слезинку с щеки смахнёт незаметно.
Объятие – это такая малость,
Но для неё оно очень сюжетно.

Тебе ведь совсем ничего не стоит
Обнять её утром и, вернувшись с работы,
Тепло твоих рук мысли вмиг успокоит,
Согреет сердце, развеет заботы.

Всего пара секунд – не так уж и много —
Наполнят её до краёв чувством счастья.
Не будет в моменте ей вновь одиноко,
Когда ты обнимешь, коснувшись запястья.

А женщине нужно простое объятие,
Чтоб вновь ожила озорная девчонка,
Что носит воздушное, лёгкое платье,
Игриво смотря на тебя исподлюбя.

Виктор Дроздов

Родился в 1958 году. Окончил военное училище РВСН. Служил на Байконуре. Подполковник запаса. Проживает и работает в Белгороде. Издал восемь авторских сборников. Член-корреспондент МАНИ. Лауреат международной литературной премии Мира в номинации «Поэзия». Награждён знаком «Золотое перо русской литературы» за вклад в сохранение русского культурного наследия, знаком «Искусство слова» за вклад в современное культурное пространство, знаком «Литературный Феникс» за личный вклад в возрождение традиций великих классиков мировой литературы и создание новых литературных веяний.

Его нет сорок два

Сорок два он прожил,
Сорок два его нет.
Рано смерть забрала...
И весь горький ответ.
Он к нам ближе теперь,
Чем когда был живой.
Приоткрыта в мир дверь,
Без него мир пустой.

Для чего он пришёл?
Чей ответ нам милей?
Чтобы мир показать
Без флажков, егерей.
Что раздолье – без псов,
А простор – без границ,
Воля – снятый засов,
И нет лжи, небылиц.

Если ж лай не унять,
Если рвёшься из сил,
Как решение принять,
Губы в кровь закусив.
Нельзя правду в лицо,
А что хочешь – потом.
То свободой не звать,
Ты ещё за флажком.

Он мятежной душой
Рвался сам за флажки,
И внушал мысли нам:
От псов можно уйти.
Дать дышать, бунтовал,
Закусив удила.
И хрипел – но сказал,
Была ясность в словах.

Его русский поймёт,
Он душой не кривил,
Что задумал – поёт,
Вот народ и любил.
Несмотря ни на что
Сердце всем раздавал
И своей хрипотцой
Он не пел – жилы рвал.

Он всегда на износ,
Надрывался, но пел,
Был изысканно прост
И спеть больше хотел.
И на плёнке, на «рёбрах»,
Для нас был кумир,
А лучших-то помнят,
Жажда жизни их мир.

Боль России – верха.
То носком пнёт плебей,
Мол, аккорды не так,
И стихи «так себе».
Только тексты-слова
Разносились страной
В часовых поясах
Любовью людской.

Редкий дар. Феномен.
То творец – на века!!
Сорок два – не секрет.
Что таланту срока?
Как забыть бунтаря?
Это веха нам всем:
Так дороги творят,
Кто ушёл насовсем.

Спойте сами теперь...

Много лет больше нет
Его среди нас.
Столько лет бытия
Пролетело, как час.
Вдоволь и перемен
Порой с грязью. А тем?
Нашу жизнь будоражить
Больше не было кем.
Рифмы так не звучали,
Голос так не хрипел,
А у нас всё крепчает
Наглость и беспредел.
И всё мучает больше
Вопрос главный подчас:
Что бы спел наш Володя
В наше время, сейчас?

В этой жизни по кругу
Радость, счастье, беда.
Что дарил бы за мысли?
Он о чём бы мечтал?
Жил всегда он со смыслом,
Полной грудью дыша,
Столько бодрости втиснул
В песни для куража.
Он по-новому б спел,
Подсказал без прикрас
О нелёгкой судьбе,
Что кривая у нас.
Чтоб рули не бросать,
Вёсла крепко в руках,
Что живём мы не так,
И кто сам себе враг.

Вновь слова про бои,
Про Чечню и Кавказ,
Про сирийские дни,
И как гибнет спецназ.
Как летят сквозь огни
Снова кони у нас,
Славянин нам не друг
И про русский Донбасс,
И про рай для шутов,
И что в церкви не так,
Как в продажной стране

Продают за пятак.
И про танк, что горел
В Грозном и на полях.
Страшно, если обстрел,
Как мы бьёмся зазря.
И ещё про стрелков
с вертолётков. Легко
Беззащитных волков
В стае бить с облаков.
Что в колёса суют
Палки тем, кто вперёд,
Тот же всё неуют
С жизни нашей живёт.
Банькой души отмыть,
Те же россыпи грёз.
Чистота родников
Среди русских берёз.
Лес волшебный стоит,
В нём указка и плеть
Всем оттуда грозит,
Мнений нам не иметь.

Нас заносит опять,
Подлецы у рулей.
Мы опять на осях,
Всё стегаям коней.
И опять двадцать пять,
Кто-то рвётся вперёд,
Чтоб вновь достигать
Чуда – россыпи звёзд.
Про свою колею,
Может, про Куршевель,
Горизонт, что к земле
Стал нам ближе теперь,
Что надежды опять
Гамаюн подаёт,
Баба голой в алтарь —
И про это споёт.

Ну, а может, и нет.
Может, всё намечтал,
Может, это для нас
Эхом рифмы звучат.
Он, возможно, махнёт
Рукой и пошёл
Да уедет туда,
Где душе хорошо.
Мы к нему – подскажи.
Он за годы потерь:

«Сколько можно вам петь,
Пойте сами теперь.
Кто из вас напрягался,
Заходя в виражи?
Кто из вас постарался,
Чтобы лучше тут жить?
Сколько можно вам петь?
Вы очнитесь, друзья,
Сколько можно учить?
Так ведь дальше нельзя!
Вновь покорность Руси
К хозяйским кнутах.
Словно жить тут мессии
Придётся. Не вам.
Сами всё раздали,
Отмахнувшись рукой,
Сорок лет всё мечтали:
„Ты, Володенька, спой“.
Бога дар одолжить —
То талантов стезя.
Что чужим умом жить?
Самим петь для себя».

Владимиру Семёновичу

Изменяется жизнь и время:
когда-то блистал Бродский,
Руси так был нужен Есенин,
а в наше время – Высоцкий.
Поэт, входящий всем в души,
и, казалось, нет круче певца,
он был тогда просто лучший,
дан Богом нам для образца.

Ведь не просто его обожали,
его сердце с душою вразнос,
таких любят, таких уважают,
таким грязь уберут от колёс.
А ему-то как было непросто,
тушили и творчества пламя,
внушали, что он не по росту,
а он для страны был – знамя.

Огорчает иной раз Владимир,
а всё потому, что Высоцкий!
чуть-чуть я к нему подвинусь,
пишу, а нет тех, его, эмоций.
Может быть, я не утверждаю:
мне барда, поэта – нет круче,
не робея, скажу: «Обожаю,
вот такие, от Бога, – штучно».

В. С. Высоцкому

Как он так подбирал слова?
А кто смог повторить успех?
Ведь любовь народа права,
В них и боль, и слеза, и смех.
Не согласишься своим глазам,
Как стихи он мог так творить?
Не единожды пробовал сам,
Есть чувство – таким не быть.

Спасибо, что был хоть он,
Кто правду резал в глаза,
И пусть голос не баритон,
Только вот позабыть нельзя.
Как сложены рифмы в ряд,
И эпитет с намёком нашёл,
А «Банькой», где пар и яд,
Он до каждой души дошёл.

Ах, сколько творческих мук,
Слог прост, как кусок свинца,
И рвёт души гитарный звук
Нам по теме войны сердца.
Я-то знаю, что жить в веках
Будет он, в этом есть резон,
Владимир, с гитарой в руках,
Вам и мой до земли поклон.

Года мои, года...

Ох, года мои, года... кони с гривами!
Вот несётесь, а куда вдоль обрывов вы?

Но летите всё вперёд стрелой пущенной,
Из далёких молодых лет во грядущее.

Если вас и не пугать бичом крученым,
Всё равно галопом вскачь по-над кручами.
А Русь с избами, в веках, да с острогами,
И с погостами, в крестах, над дорогами.

Кто-то знаки обновил запрещения.
Где-то новые: «тупик», к огорчению.
Те же волки, вой с кустов, и как кнут свистят,
А в каретах трактом те, что мошной звенят.

Довезут – не довезут – удивляюсь я,
Не тот корм коню даю, надрывается.
А ещё конь пристяжной рвётся в сторону,
На опушке триста лет те же вороны.

Комки грязи мне в лицо всё швыряются,
Ведь подковы кузнецом-то заменяются.
Дровни, бричку не менял, довезут рысцой,
Только скорость набирал молодой гнедой.

И зимой, и летом в зной обернусь в обед,
Погляжу, за мной-то мой остаётся след.
Может, кто-то когда, тоже поплутав во рву,
По нему уйдёт и сможет выйти на тропу.

Скатерть чёрная в дороге: войны, бунт, навет,
И в дубраве воров много, столько мрачных лет.
Но несётся всё быстрее битый тарантас.
Кнут отбросил – я мудрею, не спешу сейчас.

Всё надломленной душою излучал здесь свет
И с надорванной струною оставлял свой след.
Впереди земная слава, ей – не очень рад.
Чую, вожжи на-тя-ну! вам жалко, что у врат.

Где вы, когда-то признанные?

И где вы, когда-то признанные
Стандартами безукоризненными?
Всегда вы равняетесь с дрожью
На Богом рукоположенного!

Неспособным мчать вдоль обрыва,
Вам иметь что хотите можно,
Свою жизнь не прожить с надрывом,
Но великих донять вам несложно.

Вы коней привязали к стожарам,
Бубенцов не слышать перезвоны,
Но с волками давно-о-о увязали
Договоры по личным резонам.

Он же верил-то в русский путь,
Верил в то, что достоин любви,
Где рискнуть, как рубаху рвануть,
В то, что вынесут наши горбы.

И сползает со всех позолота,
Всякий бродит по личной тропе,
А он пел, всё рвался с болота
К прекрасной звезде в высоте.

Не живут долго так на нервах,
Знал он точно и грёб по судьбе,
Просто был он у нас тогда первый,
Всё ценил верхней мерой себе.

А за это народ наш чистый
(И пусть каркал ворон в набат)
Его к лику святых причислил,
Чтобы помнили голос в веках.

Параллельный мир

Стою на поляне, в дубраве,
Где поэт свою кровь пролил.
Мне кажется, после расправы
Он ушёл в параллельный мир.
Факт, что он есть, не доказан,
Но так не должно же быть:
Творец погиб – живут мрази,
Оборвавшие гения нить!

Хочу, чтоб в том мире, под сенью,
Жил, любил и творил
Пушкин, Рылеев, Есенин
И Лермонтов Михаил.
И там на осях несётся
Советского времени Бог
С гитарой, опальный Высоцкий,
Маяковский чеканит слог.

И много русских поэтов,
Зачитанных здесь до дыр,
Они не про нас напишут,
Про их, параллельный мир.
Да неужто же правда это,
Что смерть забирает всех
Лучших, в ком сердце светоч,
Кого везде ждёт успех!

Пуškai не надеются те, кто
Смог в душах строки сгубить
На плахах и в кабинетах —
Господь их не сможет простить.
Не ждут их лучи из света
И тёплый, радостный миг,
А затхлый, серый мир где-то,
А не тот параллельный мир.

Юрий Иванов

Коренной луганчанин в первом поколении. Родился и умудрился прожить в трёх городах и четырёх странах, не сходя с места. Учился, учил, работал на протяжении двух веков и двух тысячелетий. Вся жизнь связана с книгой – раскрашивал, читал, редактировал, печатал, продавал, вёл семинары и мастер-классы... Из достижений: «Золотой Роскон» (2015, 2018), премия им. Александра Ройфе (2019), «Интерпресскон» (2013, 2014), плакетка «Еврокон» (2013) – как книгопечатнику, «Серебряный клинок» журнала фантастики «Меридиан» (Ганновер, 2014) и «Время читать» издательства «Четыре» (Санкт-Петербург, 2025) – как критику. В свободное время пробует читать и писать.

«Все великие стены ведут из Китая...»

Все великие стены ведут из Китая.
Ты не знал? Так вот знай. С этим знанием живи.
А за стенкою чудище обло и лаяй,
Ну, а мы потеряем рифму к слову «любви».
Кровь, морковь, родендровь и помятая бровь,
Соскользнувшая наземь цитата из сна,
А ушицей – блесна, табуретом сосна —
Вся природная наша любовь.

12

* * *

Вот и солнце, мартовские иды
И в колодцах талая вода,
Умер Лондон. Кто ты, Мартин Иден?
Болен, мёртв? Нет. Или всё же да?
Марки клеил Твен, язык стирая,
Сэлинджер засеял поле ржи,
И ключом натягивал спирали
Бёрджес, оттолкнувшись от лжи.
Финансировал титана стоик,
И, переиграв обилье тем,
То ли гений, то ли параноик,
Зарядил ружьё великий Хэм.

* * *

Путь от искренности до истины,
Объективные ощущения,
Витаминная веснозависимость,
Аллергия на окружение.
Не спастись травой от отчаянья,
Снохождения-сноговорения,
Ждать смиренно поста окончания
И смиренно – обострения.
Ну, а дальше всё будет тезисно.
Снисходительно и упрощенно,
Неуверенно, неувесисто,
На балконе рассадой взрощено.
Хоть бы раз рассказать расширенно,
Но опять, опять обезжиренно.
Я всё больше пишу неумело вам:
Очи чёрные, спина белая...

* * *

Март-апрель намаялись,
Хочется мясного,
И в траву уткнуться,

Отдышаться снова
Не в порыве бодрости,
не в фантомной благодати,
Не в угаре-горести,
А в рандомной радости.

* * *

Летний юнец юнонорождённый,
Плачет навзрыд. Разве это любовь?
После поймёшь, как оружно и конно
Раны терпеть, а пока тебе в новь
Эти страдания юного ветра.
Лето парило, пылало, тепло
Шашечным шагом, по сантиметру
В форточки окон с дождём натекло.

* * *

Сказать бы спасибо Юлию
(Юлий повсюду был прав),
Куриль воскурения в курии,
Зло покуривая в рукав,
Утренним разухабенным
Зноем опохмелясь
Или плодово-ягодным
Плотно оплодотворясь,
Выйти на улицу в полдень,
Дверь оттолкнуть спиной
И перехваченным горлом
Отхаркивать лета зной.

* * *

Словосцепщик идёт путями,
Всё путём, и, если прислушаться,
стук пласстмассов, как дни за днями,
гулк и выпукл, как спелая груша.
Поезда потащат детишек
От морей, песка и ракушек
В мир пеналов, тетрадок, книжек
И поросших друзей-подружек.

* * *

Микрофоновые речи
Поутру звенят призывно,
Тополиновые свечи
Плачут жёлтым стеарином.
По линейке на аллее
Кто на старт, а кто на финиш,
Построенье постройнее
Почему не получилось?
Почему играют песни,
Рвутся флаги в поднебесье?
Почему пацан потеет
С первоклассницей на шее?
Потому что снова в школу
Отправляется оболтус,
Потому что по приколу,
Потому что гладиолус.

* * *

Звнящий месяц, синева и золото,
Шуршит листвою по сухой брусчатке,
А солнце без мороза – тоже здорово!
Останется пускай в сухом остатке.
Трудись, трудись – хоть чучелом, хоть тушкой,
Живи от пятницы до воскресенья.
Посмотришь утром на просвет чекушку
И думаешь: «А вдруг она последняя?»

* * *

Брь, брь, брь. Обрыдло. Надоело.
Мерзок месяц, депрессивен – бррр!
С каждым днём промозгло и темнело.
Небыль? Скажешь, не был?
Но я был.
Был и видел, как бы в настоящем
Всё могло бы по-другому быть,
И ледок на лужице хрустящий
Барабанным каблучком разбить.

* * *

Двенадцато-десятый месяц.
Когда ни глянь – темным-темно.
Да будет свет? Не будет света!
Забудь. Свет был давным-давно!
К утру всё чёрно-бело-блёкло,
Метель свивает фуэте,
А вечером легли на стёкла
Фривольные фриволите.

* * *

Январь опять со старого начнётся,
С тринадцатого вроде, полутрезвый
Вахтёр на вахте вяло улыбнётся,
Такой же, как и ты, синющ-болезный.
Январь опять на старое потянет,
На заработать, значит – на работу.
Держать карман пустым, а тело вялым,
О важной чепухе болтая с ботом.
Так, досидев, изображая жертву,
Земную жизнь пройдя до половины,
Придёшь домой, откроешь в кухне дверцу,
А там лишь свет, тоска и лёд пустыни.

* * *

Февраль достал, обнять и плакать!
Рукой подать до посевной.
Природе мрачной и скупой
Нам остаётся пастернакать.
Так мать сыре земле угодно,
В итоге отдавая мзду,
Так бесполезно, так бесплодно
Бросать плевелы в борозду.
Предпраздничный короткий месяц
Располагает расслабон.
Да, вышел весь. Да, вышел вон,
Преизгибаясь в политесе.
С зимы прощаясь канителью,

Гоню Пегаса на Парнас,
И под весеннюю каплей
Рождаются стихи на раз.

Варяжские пляски

Один дома. Длинного. Морёный
дуб поэзии обвился злѳтой цепью.
Зло ли, благо лепит, раскалённый
мѳд глаза им выест или свиньи,
вѳрона оставив без добычи.
Вырви глаз, а после выпей море.
Ну, не море... Парусник в бутылке,
заспиртованный капустой в пищеводе,
не драккар; ты викинг или нитсшест?
Или никель? Аве, аве Цезарь,
мы проходим, помахав рукою:
богу богово, богатство выдай Крезу,
чтобы не плутать средь аналогов
алогичной цифрой нумизматской,
аверсом на траверзе летящей.
Первый Рим падѳт, второй... Лишь шаткий
третий устоит в ненастоящем.

«Падший ангел – поднявшийся вздыбленно дьявол...»

Падший ангел – поднявшийся вздыбленно дьявол,
И копытами взбитая попусту прошлая пыль,
Я вспылел, я остыл, я покался, я позабавил,
После просто ползком уползая в уютный утиль.
Между Джекилом и наизнанку повёрнутым Хайдом
Доктор Рубик с утра разноцветно шары огранил,
Сферы свет в кулаке раздавил на распилы квадрантов,
Провернул и шутя шелуху на гранит обронил.
Первый раз очарованы приняли как-то за Бога,
Первопроходимец он был, и, примерив на лик
Доминошно-киношную маску, застал он в итоге
Божий глас, Божий дар, Божий суд, Божий крик, Божий рык.
И ни в Парме, ни Падуге нам не укрыться в обитель,
Они рыщут повсюду, они нас отыщут везде.
Мемуары апостолов сложит Иуда-креститель,
И крестом осенит он осиновым тех, на кресте.

В Египте

Пирамиды в песке. Весь Египт – пирамиды в песке.
Где-то возле кривит, корчит рожу расстрелянный сфинкс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.